

В нашей статье мы представили лишь часть практической работы со студентами в рамках авторского курса «Воплощение образов русской литературы в кинематографе», посвященную экранизации. Считаем, что подобный опыт позволит через кинематограф лучше понять литературное произведение.

#### Литература

1. Мозолева, Д.А. Способы репрезентации эмоциональной сферы персонажей романов Ф.М.Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание» /Д.А.Мозолева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1. – С. 130–134.

**E.L. Raykhlina**

Tula state pedagogical university named by L. Tolstoy

e-mail: erajkhlina@yandex.ru

### **Studying a literary work and its adaptation: from the experience of working in the author's course "The Embodiment of images of Russian literature in cinema"**

*Key words: author's course, film adaptation, master's program, literary work, film.*

*In the article, the author shares his experience in the course "the Embodiment of images of Russian literature in cinema", showing how to compare a literary work and its adaptation.*

**А.Ф. Роголев**

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

e-mail: afr-56@rambler.ru

УДК 82-24.161-1

### **ИСТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ И ЛИЦА В ДРАМЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ»**

*Ключевые слова: драма, история, идеи, образы, интерпретация.*

*В статье анализируются авторский подход к объяснению событий марта 1801 года, связанных со свержением российского императора Павла Первого, художественное изображение основных исторических фигур того времени и психологической атмосферы царского двора.*

Историческая пьеса «Павел Первый» с авторским подзаголовком «Драма для чтения» была написана Дмитрием Сергеевичем Мережковским в 1908 году и тогда же опубликована в виде отдельной книги.

Это произведение является первой частью трилогии под общим названием «Царство зверя» («Зверь из бездны»). Двумя другими частями стали романы «Александр I» (роман отдельным изданием появился в 1913 году) и «14 декабря» (опубликован в 1918 году).

События в драме «Павел Первый» охватывают период с 9 по 12 марта 1801 году и связаны с самым апогеем заговора с целью свержения императора Павла Петровича.

Как нам представляется, автора интересовали не столько сами события в их точной последовательности и не детальные подробности случившегося, а психологическая атмосфера тех дней и сами люди.

Художественное произведение – не историческое исследование, и оно всегда имеет преимущество перед научными трактатами, поскольку позволяет смело заглядывать как за кулисы событий, так и в человеческие души без всякой боязни автора фокусировать внимание на том, что в формальном стиле научных сочинений излагать не принято.

Безусловно, всё внимание автора и, соответственно, читателя (зрителя) обращено на трагическую фигуру императора Павла. И нужно сказать сразу: его образ получился у Д. С. Мережковского многогранным и психологически сложным, а ещё не без того, что называется мистическим фоном. И такой подход оправдан.

Само рождение Павла Петровича, его мировоззрение, образ мышления, убеждения, замыслы являются во многом загадкой. И это потому, что Павел был непонятен не только окружающим его людям, но и последующим историкам.

Во все времена есть такая категория лиц, которые стоят выше остальных по умению видеть и понимать. Но они оказываются в условиях, не способствующих реализации своего личностного потенциала. Вдобавок, социальное окружение угнетает и третирует их, поскольку большинство не желает принимать и мириться с теми, кто пренебрегает принципом «будьте такими, как мы».

Вот это полностью относится к императору Павлу и проявляется в диалогах и репликах действующих лиц драмы Д. С. Мережковского.

Автор изображает императора как весьма неоднозначный психологический тип, с непостижимым для других внутренним миром.

В нём заключены две субличности: одна – добрая, светлая, прозорливая и одновременно грустная, бессильная и обречённая; другая – резкая, жёсткая, обидчивая, как будто с раненой душой.

Этим объясняются перепады настроения у императора, его действия и поступки. Всё это показано в драме очень ярко и наглядно.

Павел похож на Гамлета: говорит загадками, во фразах и репликах очевиден подтекст и двойной смысл. Вот отчего его побаиваются! Линия поведения императора отнюдь не прямая и не легко предсказуемая для царедворцев.

Проще всего такого человека посчитать странным, назвать шутом или отнести к категории психически неуравновешенных субъектов.

Так и было. Отца не понимали и его сыновья, наследник Александр и второй сын Константин, даже жена-императрица Мария Фёдоровна. Сыновья между собой в отдельных эпизодах называют его обезьяной, хотя больше похожи на этих животных сами.

Павлу очень тяжело. Он прекрасно чувствует, что его не понимают и никогда не поймут. Над ним висит как дамоклов меч некий predetermined тёмный рок. Вдобавок, приходу на трон предшествовал долгий, в несколько десятилетий период фактического игнорирования даже не его мнения, а самой личности как таковой.

Между тем Павел Петрович не только выше по уровню развития сознания и души всех остальных, кто его окружает, но и чище, совестливее и честнее. Отсюда – его психологическая настроенность на искоренение екатерининского грешного духа.

Личность, носящая имя *Павел* с несомненной христианской доминантой, исходя из всех его врождённых параметров, не может не видеть чертовщину, которая к началу XIX века вдруг проявилась везде, да так, что человеческий мир стал всё явственнее погружаться во тьму, всё больше и больше подчиняться Иерарху Отрицательной системы.

Ничего просто так не бывает и не происходит. И если Павел – рыцарь Мальтийского ордена, то он – несомненный посвящённый в некую тайную доктрину и обладатель определённых знаний, которых другие просто так не достаиваются.

От рождения Павел имел пробуждённое шестое чувство, которое, однако, закрывалось и затухало в условиях психологического давления на него и третирования в правление матери Екатерины, а также в состоянии психологического стресса.

Можно сказать так, что шестое чувство, объясняющее прозорливость Павла и всю ту мистику, которая его окружала, было свойственно не Павлу в целом, а только одной из двух его субличностей. Другая же, выходя на передний план, напрочь закрывала врождённый дар императора.

Живя в чуждом для него духовном и душевном окружении, Павел Петрович испытывал энергетическое тяготение только к одному человеку – княгине Анне Гагариной. Рядом с ней и даже в одних только мыслях о ней император получал так необходимые для него душевное отдохновение и психологическую разрядку.

Место обитания Павла – Михайловский замок рисуется в драме Д. С. Мережковского как некая мышеловка. Собственно, таким этот замок, сооружённый в отрицательном месте силы, и был – тёмным, неуютным, сырым, холодным и распространявшим энергию мрачного подземелья. Здесь бродят привидения, являющиеся на самом деле энергокопиями тёмных и грешных мыслеобразов обитателей замка, всех тех, кто задумывал и осуществлял переворот, да ещё и прочих, озабоченных отнюдь не государственными интересами.

Павел же среди них – Дон-Кихот. Он так и говорит откровенно о себе: *«Пусть меня Дон-Кихотом зовут...»*. И этот «Дон-Кихот» действительно думает о том же, чем был озабочен герой Мигеля де Сервантеса Сааведры, – чтобы государь за подданных кровь проливал.

Внешняя политика Павла, как следует из диалогов драмы, полна глубоких замыслов: консолидация вокруг России европейских сил, союз с Бонапартом, обновление погрязшей в распутстве Европы и даже будто бы объединение церквей.

Император говорит о себе: *«Я, Павел, превыше всех пап и церквей...»*. Он видит себя Царём-Священником, и он знает, что хочет, и верит в свои возможности. *«У меня нос курнос, ухватиться не за что и водить за нос трудно»*.

Между тем он, Павел – «малый», исходя из этимологии личного имени, и времени ему отпущено лишь на то, чтобы провести в своих замыслах как бы разведку боем – ради будущего и, видимо, весьма далёкого.

Беда витает в атмосфере вокруг замка и в нём самом. Павел в минуты просыпавшегося шестого чувства видит себя в зеркалах с перекрученной шеей. На прогулке верхом вдруг почувствовал, что

его душат, и упал с коня. Павлу снится, что на него натягивают кафтан, узкий-преузкий, так что дышать в нём тяжело.

Характерен эпизод с ложной тревогой: дежурный караул и прочие солдаты из охраны вбегают в зал, где собралось высшее общество. Солдаты окружают Павла, становятся на колени и крестятся. Для них он – Царь-батюшка и Царь-Священник. Не будем забывать, что ничего просто так не происходит.

Павел, чувствующий нарастающую тревогу, заставляет подданных приносить вторую присягу на верность.

Главе заговорщиков военному губернатору Палену он задаёт вопрос: *«Знаете ли не знаете, что меня убить хотят?»* И хитроумный Пален отвечает, что знает и, более того, стоит во главе заговорщиков с тем, чтобы собрав все улики и точные доказательства, выдать их императору.

Царевич Константин говорит о Палене: *«Прехитрая bestия!»* Павел же характеризует его однословно: *«Дьявол!»*

Да, в этом определении Павел вполне точен. Кстати, Александр тоже говорит Палену, протягивающему наследнику манифест о восшествии на престол, что это *«договор с дьяволом»*, который *«кровью подписывается»*.

Из сцены откровенного разговора императора с Паленом становится ясно, что Павел, вернее, та его субличность, которая обладала шестым чувством, вполне разгадала Палена. Но почему же Павел не отдал тотчас же распоряжения об аресте Палена и всех, кто замыслил недоброе против императора?

Во-первых, потому что арестовать пришлось бы многих, чуть ли не весь двор. Во-вторых, среди арестованных были бы его сыновья, прежде всего, наследник престола Александр, и даже жена Мария Фёдоровна. Наконец, в-третьих, Павел решил положиться на волю рока (чему быть – того не миновать): он пошёл спать в роковую ночь в свою комнату, хотя мог остаться у Анны Гагариной, которая, предчувствуя беду, не хотела отпускать императора.

Вот в этом Павел Петрович ошибся. В кульминационных точках жизненной программы человеку обычно даётся выбор. Павел же уверовал в неизбежность своего убийства и выбрал именно этот вариант, хотя мог поступить иначе. Но чтобы поступить иначе, нужно было бы пожертвовать сыном Александром. В последнюю ночь во сне Павел повторял имя сына...

К тому же в прощальную, как оказалось, встречу с Анной Гагариной император поведал историю, случившуюся с ним в юности: на набережной Невы, когда он прогуливался с другом Куракиным, Павлу явилась голограмма Петра Великого, который якобы промолвил, обращаясь к царевичу: *«Бедный Павел!..»* Но из этого отнюдь не следует смертная предопределённость.

Павел был бедным, обижаемым и оскорбляемым уже в силу своего положения вплоть до зрелых лет. Он был бедным из-за того, что его не понимали и не могли понять не только приближённые, но и близкие люди, сыновья, жена. Он был бедным ввиду практической невозможности реализовать многие из тех планов, которые предвосхищали само время. Но он не был обречён на смерть в ночь на 12 марта 1801 года. У него был выбор. Из двух вариантов император выбрал наихудший для себя.

Хотя ещё накануне, почти в тот же день, Павел подошёл к сыновьям, жене, Палену, находившимся в одной комнате, пристально посмотрел на них, потом пошёл к дверям, обернулся, показал им язык и молча вышел.

После этого он принимал с докладом Палена, посадив того лицом к окну, к свету и опять пристально его разглядывал, задавая каверзные вопросы.

Впечатление такое, что Павел сканировал своего главного врага и точно распознал в нём идеолога переворота, сумевшего обманом и хитростью, наговорами и ловкими ходами подчинить себе всех тех, без кого переворот не смог бы состояться, и в первую очередь наследника Александра.

Пален умело играет всеми и при этом явно преследует не только личную цель. Вот и Александр задаёт ему закономерный вопрос: *«Для кого же вы стараетесь?»*.

Паленом руководят не только тёмные демонские силы (без них в таких делах никогда не обходится!), но и старая екатерининская гвардия, то великосветское общество, которое в правление Павла оказалось с пренебрежением отодвинутым в сторону – все эти Зубовы, зубастые хищники, увивавшиеся перед бабушкой Екатериной.

Интересно, что Александр, показавшись армии наутро после смерти Павла, заявляет, как ему велел Пален, что в России теперь всё будет так, как было при бабушке.

Сам Пален называет Павла *«сумасшедшим с бритвою»* и уверяет в своих открытых разговорах и объяснениях, что избавляет Россию и Европу от неудержимого деспота.

Не исключено, что Паленом тайно управляла и разведка некоторых европейских стран, заинтересованных в смене внешней политики России.

Небезынтересны и образы других исторических лиц. Жена императора Мария Фёдоровна и Константин, второй сын Павла, представлены Д.С. Мережковским эпизодически, и поэтому их об-

разы не могут анализироваться с такой же психологической глубиной, как образы Павла, Палена и Александра.

Обращает на себя внимание лишь излюбленная реплика Константина. По каждому событию, связанному с гневом отца, обращённым на кого бы то ни было, Константин вставляет один и тот же комментарий: *«Впрочем, наплевать! Все там будем...»*.

Заметим, что гнев Павла нередко реализуется в жестоких поступках. Например, он приказал бить палками фельдфебеля четыреста раз только за то, что тот нарушил порядок в деталях введённой императором военной формы. Тут уж точно действует не светлое, а мрачное и надломленное начало императора, берущее верх над его сознанием.

Так же можно прокомментировать и тот, уже не столько драматический, сколько комический эпизод, когда Павел с палкой гоняется за офицером, нарушившим фронт во время строевого учения войск.

По всей видимости, царевич Константин более твёрд нравом и менее плаксив, чем его брат, наследник престола Александр, похожий на мягкого, чувствительного и слабохарактерного прожектера Манилова из гоголевских «Мёртвых душ».

Александр, начитавшись Руссо и Вольтера, мечтает о том времени, когда дарует России конституцию и республику, а вслед за этим бежит со своей женой Лизхен куда-то далеко-далеко и будет жить с ней на природе, в хижине. Он воображает себя Амуром, а её – Психеей или Евридикой.

Эта Психея или Евридика, однако, смотрит на своего обожаемого мужа со скрытой усмешкой и исподтишка, верно, день за днём психологически склоняет его к тому же, к чему склоняет и Пален, – овладеть особой императора, объявить его больным и принудить отречься от престола в пользу старшего сына.

А что же Александр? Он, похоже, обречён, как и Павел, только по-другому – не на смерть, а на руководство со стороны. В изображении Д. С. Мережковского наследником Александром руководят даже не столько Пален и жена Лизхен, сколько некая сторонняя сила, тот мистический куратор, который внедряет в сознание Александра наряду с «демократическими прожектами» осознание и ощущение обречённости.

В минуты откровения с женой Александр говорит, что все, в том числе и он сам, рабы, а ещё точнее – крысы, которыми его брат Константин, забавляясь, стреляет из пушки. *«Мы все рабы, мечтающие об Амурах и Психеях, а на самом деле сходящие с ума...»*.

Интересно, что отец и сын, Павел и Александр, одновременно решают для себя одну и ту же, поистине гамлетовскую дилемму: быть или не быть. Для Павла это означает – жизнь ценой смерти других или собственная жертвенная смерть.

Александр мучается, выбирая между «надо» и «нельзя», «нельзя» и «надо». *«Как с этим жить?» «Годы пройдут, вечность пройдёт, а это – никогда, никогда»*.

В этом он – провидец. Ведь не только себя имел в виду Александр, но и всю страну. Поэтому в его словах следует видеть формулировку общей кармы. Вот его следующие слова: *«А ну, как не от Бога власть самодержавная? Ну, как тут место проклятое? Станешь на него – и провалишься... Тут чёрт к Богу близок, близёхонек. Бога с чёртом спутали так, что не распуташь...»* Понятно, что после таких слов Александр всходил на престол, как на плаху.

А что же народ? В драме он явно не на первом плане. Но из реплик представителей социальных низов, в основном служителей Михайловского замка, становится понятно, что ему, народу, всё равно. Был император, не стало императора, перекрестились – и ладно! Вот такая философия бытия.

Двор живёт сам по себе, народ – сам по себе. По крайней мере, так было в изображаемое в драме время. Дворцовый переворот не был переворотом в стране как таковой. До поры до времени.

Красноречива сцена на квартире генерала Талызина. Вечером 11 марта 1801 года тут собрались заговорщики, царедворцы и офицеры. Они едят, пьют и говорят – каждый о своём, о том, что понимает и разделяет: о самодержавии и конституции, о республике и об отмене крепостного права.

Когда речь зашла о судьбе императора Павла, единства не было. Даже чуть не подрались из-за разногласий. Ничего не решили, напились и пошли, ведомые Паленом.

Но достаточно было смелого и решительного караула из нескольких солдат, чтобы вся эта толпа разбежалась в одно мгновение. Увы, караул прибежал слишком поздно, а беспечность, с какой охранялась императорская особа, поражает. Но опять-таки – так было в то время.

#### Литература

1. Билибина И. А. Историческая личность в интерпретации Д. С. Мережковского-художника: Автореферат дис... канд. филол. наук: 10.01.01. – Орёл, 2010. – 25 с.
2. Рогалев, А. Ф. Мир художественных образов / А. Ф. Рогалев. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – 224 с.

#### Источники

1. Мережковский, Д. С. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 3 / Д. С. Мережковский. – М.: Правда, 1990. – 572 с.

**Historical figures and faces  
in drama D.S. Merezhkovsky «Paul The First»**

*Key words: drama, history, ideas, images, interpretation.*

*The article analyzes the author's approach to explaining the events of March 1801, associated with the overthrow of the Russian Emperor Paul I, artistic depiction of the main historical figures of that time and the psychological atmosphere of the Royal court.*

**М.С. Рогачевская**  
Минский государственный лингвистический университет  
e-mail: marinaragachewskaya@gmail.com

УДК 821.111-3.09(045)

**СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ТОМАСА КРОМВЕЛЯ В ДИЛОГИИ ХИЛАРИ МАНТЕЛ**

*Ключевые слова: ценностные ориентиры, английская Реформация, Томас Кромвель, гуманизм, рационализм.*

*В статье представлен морально-психологический портрет главного героя исторической дилогии Х. Мантел (романы «Вулф Холл» и «Внесите тела») – Томаса Кромвеля. Посредством анализа художественного психологического изображения внутреннего мира исторической личности обоснована ценностная система мировидения Кромвеля: ориентация на гуманистические христианские идеалы, рационализм мышления, разумный прагматизм политических и частных решений, эстетико-ориентированный взгляд на искусство.*

Современная литература Великобритании (XXI столетие) все чаще обращается к проблемам истории и роли в ней отдельных личностей (А. Фоулдс, С. Уотерс, Дж. Робертсон, Х. Мантел). Писатели, каки историк, пытаются разобраться в современности для этого снова и снова анализируют прошлое, будучи вооружены обновленными системами знаний, улучшенными механизмами поиска информации и с учетом уроков, извлеченных человечеством. В философско-мировоззренческом отношении нужно признать, что миром всегда правили идеологии, подчиняющие себе различные политические и экономические решения. В основе борьбы различных идеологий за доминирование лежит конфликт систем ценностей.

Эти системы, в свою очередь, воплощаются в мировоззрении и психологии исторически влиятельных особ, каковой в 1532–1540 гг. в Англии и являлся первый советник короля Генриха VIII, главный идеолог английской Реформации и один из основоположников англиканства Томас Кромвель (1485–1540). Сотни книг написаны об этом человеке: помимо биографий прошлых столетий, недавно появились свежие биографические исследования Дж. Скофилда (John Schofield. *Rise & Fall of Thomas Cromwell: Henry VIII's Most Faithful Servant*, 2011), Р. Хатчинсона (Robert Hutchinson. *Thomas Cromwell: The Rise and Fall of Henry VIII's Most Notorious Minister*, 2012), Д. Лоудза (David Loades. *Thomas Cromwell: Servant to Henry VIII*, 2013), Т. Борман (Tracy Borman. *Thomas Cromwell: The Untold Story of Henry VIII's Most Faithful Servant*, 2015). Наибольший резонанс вызвали художественные произведения о Кромвеле – романизированные биографии дилогии (а сейчас уже трилогии) английской писательницы Хилари Мантел (1952 –): «Вулфхолл» («Wolf Hall», 2009), «Внесите тела» («Bring Up the Bodies», 2012) и «Зеркало и свет» («The Mirror and the Light», 2020).

Томас Кромвель ассоциируется у нас с системой ценностей раннего Возрождения, которое еще уходило корнями в Средневековье. Главным аксиологическим ориентиром, безусловно, являлось христианство, духовный смысл которого передавался через теологические знания, которые жидились на владении Библией, древними языками, теософскими и богословскими трудами. И хотя сугубо умозрительные спекуляции лежали в основе системы ценностей, зарождающиеся естественные науки, поэтическое и театральное искусство акцентировали важность объективных знаний о человеке и природе.

Исследования в области истории философии указывают на решающую роль энтузиазма, рвения и одержимости, которые рождаются в итоге коллективных религиозных, «политических и военных проектов» [9, с. 226]. Правление короля Англии Генриха VIII породило целый ряд таких «проектов». Например, военная кампания в 1512 г. вызвала эйфорию от победы над французским войском. Несмотря на последовавшее в 1525 г. перемирие и опустевшую казну, в ценностные ори-